

- ¹²⁰ *Makowiecki S.* Op. cit., 148.
¹²¹ *Majewski E.* Op. cit., 325, 858.
¹²² *Sulek B.* Op. cit., 46.
¹²³ *Marzell H.* Op. cit., 348.
¹²⁴ Материали за български ботаниченъ речникъ... , 164.
¹²⁵ *Jirásek V., Zadina R., Blažek Z.* Op. cit.
¹²⁶ Только в кн.: Материали за български ботаниченъ речникъ... , 164.
¹²⁷ *Симоновић Д.* Указ. соч., 195. Может быть, это слово связано с макед. *комар*, *комарец* 'комар'. Мухи и другие насекомые любят облизывать сок цветов бересклета.
¹²⁸ *Sulek B.* Op. cit., 356.
¹²⁹ *Barlè J.* Op. cit. XXX, 198; XXXI, 173.
¹³⁰ *Горницкий К. С.* Список русских и немногих инородческих названий растений. Дополнение к «Ботаническому словарю» Н. Ашпенкова. Харьков, 1886, 10.
¹³¹ *Makowiecki S.* Op. cit., 148.
¹³² *Киселевский А. И.* Указ. соч.

Э. Хэмп *

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

*e

Эта частица, представленная у южных и восточных славян (ЭССЯ, 6, 7) в значении 'ну, вот, вон, там' или как междометие, выражающее подзывание, удивление, вопрос, сожаление или недовольство, с моей точки зрения, не может, видимо, иметь местоименного происхождения. В своем мнении я основываюсь на двух формальных соображениях. Во-первых, я склонен думать, что дейктический элемент в такой функции подзывания должен был бы появиться в старой локативной конструкции¹; синтаксически неоправданно для языка индоевропейского типа правильное употребление местоимения в неизменяемой форме. Во-вторых, я не думаю, что существовало индоевропейское местоимение *e (дейктическое или какое другое); я полагаю, что такой элемент, фигурирующий в справочниках, основывается на ошибочном анализе, я заявляю, что *e — это просто косвенная основа анафорического *ei и поэтому, следовательно, она выступала только с определенными падежными формами² точно так же, как *k^{wo}e- было основой косвенного падежа вопросительного местоимения.

Мне представляется, что *e было, собственно, эмоционально-восклицательной и усилительной (или препозитивно поставленной) неизменяемой частицей. Этот морфологический и немаркированный статус, естественно, не исключает прагматического употребления в речи в функции pro forma.

В таком случае, видимо, позволительно утверждать, что такая аффективная частица, собственно, не принадлежит языковой системе (и, следовательно, она не относится к сравнительно-истори-

* © Eric P. Hamp, 1988 г.

чекскому словарю, но является просто интрузивным элементом аффективного звукообразования, отличным от чихания тем, что он более сфокусирован на акте своего образования. То, что это не так, доказывается подлинно лингвистическим синтаксическим поведением *e, как показывают сочетания (ЭССЯ 6, 8—9) *e sь и т. п., *e vo и т. п., *e tь и т. п.; мы можем также указать на южнославянское *e no. Эти сочетания являются ценным подтверждением славянской конструкции *e + дейктический элемент (в форме CV либо в номинативе, либо с V невысокого подъема). Речения *e da и *e lě/li нуждаются в большем изучении, прежде чем они могут быть включены в общую картину.

Одной конструкции *e + дейктический элемент достаточно, чтобы показать невероятность утверждения, будто бы e само по себе имело дейктическое значение. Похоже, что *e служило средством привлечения внимания к тому, что следовало за ним и указанием на что служил дейктический элемент, т. е. к тому, что несет дейксис.

Одно *e, кажется, служило для того, чтобы привлечь внимание, а также для того, чтобы выразить аффект, обычное отсутствие йотации остается необъясненным, что создает трудности для теории, настаивающей на том, что этот элемент является составной частью языка.

*edlb

Для праславянского нет необходимости в отдельной позиции *edla (ЭССЯ, 6, 14). Если оставить в стороне производные на -ka, то в плане географии рефлексy *edlb и *edla находятся точно в отношении дополнительного распределения. Производящей формой является, естественно, *edla; рецессивная форма *edlb, кроме того, затруднена фонетической нереальностью формы (j)el.

Представлены две большие области распространения расширенной формы на -a: почти вся южнославянская территория, начиная с востока, и северная половина западнославянского. Консервативными ареалами являются восточнославянские языки, южная часть западнославянского и словенский язык.

Таким образом, мы восстанавливаем *edlb < *edhli-. Поскольку балтийский показывает *edlē, мы должны возвести это к *edhliā тематизации женского рода первоначального *edhli-. Балто-славянская i-основа — ожидаемый рефлекс основы на согласный, следовательно, мы можем реконструировать *edhl- (ж. р.) с точным соответствием лат. *ebulus*.

Об этом и других названиях деревьев см. мою рецензию на работу П. Фридриха — *American Anthropologist* 75, 1973, 1093—1096.

*elbeda, *elbedь

Эти две формы, как кажется, образуют в праславянском отношении чередования с *olboda и *olbqđь. Однако если последняя форма родственна лат. *albus* 'белый' < *albh-, то это отношение

изначально невозможно, поскольку мы должны исходить из **Ha^obh-*. Следовательно, мы должны предполагать для северославянских языков новый аблаут, развившийся после слияния **o* и **a*, как я уже писал об этом в журналах *Slavistična revija* 28, 1980, 98 и *Folia Linguistica Historica* 3, 1982, 127. То же самое в отношении **elъxa* и производного от него **elъša* и т. п.

**elenъ*

Я занимался (совсем недавно) валлийским *elein* в *Studia celtica* (8/9, 1973/4, 268).

**emela* и т. п.

Интересна диалектология этой лексемы. Восточнославянские языки (рус. *омела*) мало что нам сообщают. Форма на **e* интенсивно распространена в западнославянских языках, если не принимать во внимание случайный болгарский пример. Нулевая ступень в форме **i/jъ-* устойчиво представлена в южнославянских языках и чешском и соотносится с суф. *-je*. Начальное **o-* сходным образом наличествует в южнославянском и словацком. По этой причине древние формы должны быть на **o-* и **i/jъ-*, см. мои дополнительные замечания в кн.: *Зборник за филологију и лингвистику* 14, 1971, 253—255.

Похоже, что **ęti* + *-el-* (агентив?) представляет собой позднюю народную этимологию.

**esetrъ*, **esera*

Если мы не прибегаем к слабой гипотезе о предполагаемой ассимиляции гласных последующему слóгу (т. е. **osetrъ*, **osera*), то должны рассматривать их как дальнейшие примеры нового аблаута (как и в случаях с **elbeda*, **elbedъ* и **elъxa*), если мы признаем родство **esetrъ* и **esera* с **ostrъ* и родственными ему словами от и.-е. **ak-*. Ввиду алб. *athël(ë)* я реконструирую **ak* = *H_aek* со вторым ларингалом.

**ęсьменьнъжъ*

Эта форма рассматривается (ЭССЯ, 6, 62) как регулярное производное на *-ънъ* от **ęсьмен-*. Вполне возможно, что это так. Но принимая во внимание лексическое окружение праславянского, следует отдать предпочтение более экономному, более специальному решению.

Эта форма могла быть просто контаминацией двух прежде существовавших прилагательных **ęсьмень* и **ęсьнъ*. Хотя первая форма является производным старого вида от **ęсьту* (**enkimon-*), т. е. **ęсь-мен-ъ*, последняя отражает более архаичное отношение **ęсьнъ* < **enk-ino-* или **ink-ino*.

ekati*/ecati*

Представленный в них славянский корень *(e)nk- (ЭССЯ 6, 69) не может сравниваться с зап.-герм. *janken* и алб. *ankój*. Первое сравнение противоречит закону Гримма. Албанская форма соответствует тоск. *rëkoj*, что служит указанием на староалбанскую основу в форме **VnVk*-. Я предполагал производность³ последней от **enik*^{wa} 'лицо, честь'.

**etra*

ЭССЯ 6, 72 реконструирует в форме **etro* 'внутренности, печень'. Едва ли можно сомневаться в том, что эта форма ср. р. ед. ч. существовала. Но важно отметить распространенные соответствия: с.-хорв. *jětra* (с обновленным ударением и краткостью), словен. *jétra*, чеш. *jatra*, в.-луж. *jatra*, н.-луж. *jětsa*, полаб. *jqtrǎ*, рус. *ятра* — все формы множественного числа.

Ясно, таким образом, что славянский язык обладал плюральной лексемой *etra* со специфической семантикой, соответствующей греч. *ἔτερα* и арм. *ənderk*'.

Ср. относительно особенностей моей реконструкции в кн.: *Zeitschrift für Balkanologie* 19, 1983, 14—15 и *Proceedings of the Eleventh International Congress of Linguists. Bologna, 1975*, II, 1047—1055.

Примечания

¹ См.: *Baltistica* 19, 1983, 176 и след.

² *AJP* 103, 1982, 98—99, с дальнейшей литературой.

³ *Papers from the 20th Regional Meeting. Chicago Linguistic Society, 1984*, 149—152.

Д. Брозович *

ОБ ЭТИМОЛОГИИ

СЕРБОХОРВАТСКОЙ ЛЕКСЕМЫ *таца* 'ПЯТНО'

В кн. *Этимология. 1981 (М., 1983)* В. А. Меркулова опубликовала в составе большой статьи под названием «Русские этимологии VI» небольшую заметку с подзаголовком «матинки» (с. 64—65). Основные положения этой заметки следующие.

В русских донских говорах отмечено слово *матинки* 'веснушки', другим диалектам неизвестное. Автор связывает его с с.-хорв. 'пятно', для которого предполагает праславянский источник **matja*. С известной долей осторожности эти две лексемы сопоставляются с рус. *матежи* 'пятна на лице беременной женщины', хотя для последнего не исключается деэтимологизация

* © Dalibor Brozović, 1988 г.